

КАНТИАНСТВО И НЕОКАНТИАНСТВО

I. Границы интерпретации Канта. Влияние Канта на последующее развитие философского мышления было так значительно, что в известном смысле историю послекантовской буржуазной философии можно рассматривать как историю развития проблем, поставленных кенигсбергским мыслителем. Но разумеется, одно — находиться под влиянием философии Канта, а другое — быть последователем Канта, кантианцем. Разумеется также, следует отличать друг от друга интерпретатора Канта и мыслителя, который на основе проделанной Кантом работы строит новую теорию, хотя и выдает ее лишь за интерпретацию Канта.

При огромном числе мыслителей, связывающих свои исследования с критической философией, для классификации следует разграничить понятия: «интерпретатор Канта», «кантианец», «неокантианец». Правда, по известному положению Виндельбанда, «понять Канта — значит, выйти за его пределы»¹, но все же следует отличать интерпретацию, цель которой не создание нового учения, а объяснение и обоснование замысла автора. Надо всегда знать, где кончается интерпретация и где начинается новое учение, основанное на этой интерпретации. Подчас под видом интерпретации создается новая система. Так, Фихте, отрицая существование вещи в себе, полагал, что остается в пределах кантовской философии, между тем сам Кант указал на те основные черты наукоучения, из-за которых философию Фихте отказался считать интерпретацией своей системы.

Можно указать на ряд основных положений кантовской философии, определяющих границы интерпретации. Они, на наш взгляд, суть следующие:

1. Познание существует, и попытка отрицания его возможности — противоречивое и неосуществимое начинание.

2. Дуализм между вещью в себе и явлением как непознаваемым и познаваемым необходим для обоснования возможности познания, а также для самостоятельной ценности этического и эстетического.

3. Мышление существенно отличается от познания, что с необходимостью вытекает из разграничения сфер вещей в себе и явлений.

4. Между верой и знанием существует принципиальное различие, но не противоположность, это необходимое условие единства человеческого сознания.

5. Гносеология должна быть дуалистичной. В процессе познания созерцание и рассудок играют существенно различные роли и сведение их друг к другу невозможно.

Мыслитель, переступивший пределы кантовской философии и потерявший право называться интерпретатором Канта, часто остается под сильным влиянием критицизма и считается кантианцем. Но испытывать влияние Канта — не значит быть кантианцем. Историко-философская наука должна установить необходимый признак мыслителя-кантианца, свидетельствующий о внутренней связи его с трансцендентальной философией.

II. «Кантианец» и «неокантианец». Мыслители послекантовской европейской философии могут называться кантианцами, если они принимают его «коперниковский переворот», т. е. исходят вместе с Кантом из того, что предмет познания создается познанием, бессознательно созданный познанием предмет является предметом познания как сознательного процесса. Это положение можно защищать на основе как монизма (Фихте, Гегель), так и дуализма (Шопенгауэр, неокантианцы), как рационализма (Фихте, Гегель, Коген), так и иррационализма (Шопенгауэр, Файхингер) и позитивизма (Файхингер, фикционалисты).

Развитие кантовской философии Фихте, Шеллингом, Гегелем представляло из себя попытку последовательного проведения «коперниковского переворота» с позиции монизма. Отрицанием существования вещи в себе снимается различие между мышлением и познанием: логическое мышление само создает свой предмет, формы созерцания превращаются в категории мышления, предмет отождествляется с необходимым понятием о нем. Кант раньше всех увидел, что такое развитие его философии чревато новыми противоречиями. Он видел лишь недостатки нового направления и публично отрекся от системы Фихте. Не лишено значения, что Кант в письме к нему, объявил свою систему завершенной, на что до этого не претендовал.

Видимо, на опыте различных интерпретаций своей философии Кант убедился, что развитие его философии И. Г. Фихте является наиболее правомерным, но оно ведет к абсолютизации познания, отрыву философии от опыта; Кант отказался от допущения развития своей философии, чтобы хотя бы ценой непоследовательности сохранить связь познания с опытом и независимость от теории этического и эстетического начала.

Общепризнанный крах гегелевской системы в буржуазной философии был оценен не как крах идеализма вообще, а как крах панлогизма. Панлогизм понимали как необходимое следствие той ошибочной интерпретации Канта, которая была выдвинута Фихте. Философия отказалась от возможности допущения абсолютного мышления. Мышление было объявлено лишь средством, а не самоцелью. Создалась ситуация, благоприятная для философии Шопенгауэра. Сам Шопенгауэр, выдавая себя за

истинного кантианца, оставил различие между вещью в себе и явлением. ограничив познание и мышление допущением абсолютной непознаваемой воли.

Мыслители, названные впоследствии неокантианцами, поставили перед собой задачу (как и вся тогдашняя буржуазная философия) заново осмыслить и обосновать значение конкретного индивида и его деятельности. Они согласились с Шопенгауэром, что Фихте и его последователи не поняли истинного смысла кантовской философии, но и его самого обвинили в непонимании Канта, так как и он не смог разрешить противоречия, связанные с допущением вещи в себе. Неокантианцы считали, что эти противоречия не были разрешены ни одним из последователей Канта. Каждая глава книги Либмана «Кант и эпигоны», поочередно рассматривая Фихте, Шеллинга, Гегеля, Гербарта, Фриза, Шопенгауэра, заканчивается словами: «Таким образом, следует возвратиться к Канту».

Трудно установить, кто первым предложил лозунг: «Назад к Канту!» Указывают на вступительную лекцию Эд. Целлера в Гейдельберге в 1860 г.— «Значение и задача теории познания». Еще раньше его находят у И. Б. Мейера (1856). Но еще в 1847 г. бывший гегельянец Хр. Г. Вейсе поставил вопрос: в каком смысле немецкая философия опять ориентируется на Канта?² Видимо, в поисках новых путей послегегелевская философия не раз обращалась к Канту, знаменем нового течения этот лозунг стал у Либмана и Ланге.

Неокантианство было таким многосторонним философским направлением, что подчас трудно установить, по каким признакам причисляют того или иного философа к этому течению. Возьмем классификацию неокантианских школ И. М. Бохенским в книге «Современная европейская философия». Он выделяет семь школ: физиологическую (Гельмгольц, Ланге), метафизическую (Либман, Фолькельт), реалистическую (Риль, Кёнигсвальд), релятивистскую (Зиммель), психологическую (которая почти примыкает к позитивизму), логистическую (Коген, Наторп), аксиологическую (Виндельбанд, Риккерт) и находит попытку примирения марбургской и фрайбургской школ (Б. Баух)³. Не будет большим преувеличением сказать, что у Бохенского мы не находим никакого четкого принципа классификации неокантианских школ. Тут просто перечисляются школы, которые по традиции считаются неокантианскими.

Г. Функе в работе «Обращение к метафизике в неокантианстве 20 столетия» в качестве принципа классификации берет различие мотивов обращения к Канту⁴. Функе выделяет следующие направления: физиологическое (Гельмгольц, Ланге), психологическое (Нельсон, Корнелиус), реалистическое (Риль, Корельман), критически-метафизическое (Либман, Фолькельт), логистически-метафизическое (Коген, Наторп, Кассирер), аксиологически-методологическое (Виндельбанд, Риккерт, Ласк)

и субъективистическое направление философии жизни (Зиммель, Чемберлен).

Э. Бехер в работе «Немецкие философы» указывает, что неокантианцы отрицают значение и существование вещи в себе в философии Канта. Поэтому Рия, Гельмгольца и Вундта как представителей критического реализма он выделяет как отдельную школу наряду с неокантианством, позитивизмом и феноменологией⁵. Мы не думаем, что этот признак сформулирован правильно и что он является достаточным признаком для классификации, но не следует забывать, что О. Либман и Ланге именно этот признак считали выражающим специфику своего отношения к Канту.

Одним из первых, кто взялся за определение неокантианства, был К. Эстеррайх. В своей речи «Немецкая философия во второй половине XIX столетия» он отмечал, что все направления неокантианства объединяет вера в то, что Кант в известном смысле завершил философию и требуется лишь возродить его философию в возможно последовательной форме. Неокантианцев объединяет также вера в то, что кантовский «коперниковский переворот» остается в силе⁶. Эти признаки, разумеется, общи для всех неокантианцев, но не только неокантианцев. В таком случае неокантианцами окажутся и Шопенгауэр, и Фихте. Они утверждали, что дают последовательное развитие кантовской философии. Для уточнения понятия неокантианства необходимо указать на то, что неокантианцы отрицали существование вещи в себе. Но и этого недостаточно. Известно, что Фихте отрицал существование вещи в себе. Разница между этими двумя отрицаниями вещи в себе имеет существенное значение, которое ускользнуло от внимания Бехера. Фихте отрицал существование вещи в себе вообще и отстаивал абсолютный идеализм, а неокантианцы отрицали существование вещи в себе в теории познания, признавая за ней значение пограничного понятия. Без этого они не имели бы права противостоять философиям Фихте и Гегеля, т. е. отрицать абсолютность мышления.

Итак, неокантианство можно определить как философское направление, которое принимает теорию познания Канта, но отрицает значение понятия вещи в себе в теории познания, сохраняя его только в качестве пограничного понятия, в смысле несуществующей, но необходимой конечной цели познания. Предложенное определение исходит из анализа мыслителей и школ, исторически кристаллизовавшихся как ядро неокантианства: Ф. А. Ланге, марбургская и фрайбургская школы. Исходящее от Канта учение, которое принципиально несовместимо с основными общими признаками названных теорий, нельзя считать неокантианским. Исходя из такого определения нельзя считать неокантианцем А. Рия, который, как правило (хотя и не всегда), считается неокантианцем, с другой стороны, создатель фикционализма Г. Файхингер объявляется неокантианцем.

Думаем, эти изменения в общепризнанной схеме можно оправдать.

Неокантианство возникло для спасения идеализма, потерпевшего поражение в лице философии Гегеля. Оно было направлено против материализма вообще и против вульгарного материализма в частности. Спасение неокантианцы видели лишь в очищении учения Канта от элементов материализма, а также от тенденций, ведущих к абсолютному идеализму Гегеля. Лишь признанием вещи в себе несуществующей, но необходимой недостижимой целью познания, т. е. признанием вещи в себе «пограничным понятием», по мнению неокантианцев, было возможно осуществление этой задачи. Мы полагаем, что только по этой внутренне противоречивой цели можно выделить неокантианцев как отдельную школу буржуазной философии. Цель, задача, а не ее осуществление (ибо она неосуществима) выделяет неокантианцев как отдельное направление. Теория познания, которая по своему замыслу не будет чисто феноменальной и которая выходит за пределы замкнутой области явлений, не будет неокантианской философией, хотя кантианской она, разумеется, может быть. Именно такова, например, философия Рилья.

А. Риль признает существование вещи в себе как трансцендентное существование и ее необходимость для теории познания. Риль допускает также какую-то минимальную познаваемость вещей в себе⁷. Он считает, что ощущения указывают на внешнюю, независимую от познания реальность. Для Рилья практическая согласованность действий субъектов (факт взаимопонимания) доказывает существование внешней реальности⁸. Риль полагает, что утверждающий зависимость существования чувственных вещей от себя самого должен допустить, что он сам родил свою мать. Мы могли бы привести еще много других положений Рилья, под которыми ни за что не подписался бы ни один из общепризнанных неокантианцев. Рилья не следует причислять к неокантианцам, как и Паульсена, который в конце XIX в. ратовал за метафизику Канта и посвятил этому вопросу знаменитую в свое время книгу «Иммануил Кант» (1898 г., русск. пер. 1905 г.) и ряд статей в «Kant-Studien». Он доказывал, что теория познания Канта подразумевает объективный метафизический идеализм. Выступление Файхингера против такой интерпретации для своего времени было убедительным, и Паульсена больше не причисляли к неокантианцам.

Указанное выше своеобразие философии А. Рилья является причиной того, что ни один автор, считающий его неокантианцем, не сумел показать его связь с этой школой. Более того, историки философии приписывают неокантианцам такие принципы, общие и необходимые для них всех, которые противоположны принципам философии Рилья. В этом смысле Бохенский является типичным примером. Считая Рилья представителем одной из семи школ неокантианства, он пишет, что идеализм нео-

кантианцев «более радикален, чем идеализм Канта, ибо они отрицают существование вещи в себе»⁹. Если это так, то Рия ни в коем случае нельзя считать неокантианцем.

Философия Рия не является критикой Канта справа, усилением его идеалистических тенденций. Он достаточно ортодоксально повторяет Канта, стремясь сохранить почти все элементы его философии. Он не неокантианец, а кантианец, особо подчеркивающий, в противовес неокантианству, реалистические элементы философии Канта.

Исходя из предложенного выше определения неокантианства, к этой школе причисляется Г. Файхингер, философ, который признает за ощущениями предикат реальности и объявивший истину лишь полезной ложью. Как будто этот немецкий прагматист не может числиться в одной школе вместе с Когеном и Натторпом. Но неокантианизм вообще не так далек от прагматизма в частности и от позитивизма вообще. Шториг в своей «Краткой всемирной истории философии» правильно называет направление Файхингера в ряду других неокантианских школ (марбургской и юго-западной)¹⁰, не давая, однако, надлежащего обоснования своему утверждению. Последнее нам представляется в следующем виде.

Ощущения Файхингером не признаются существующими за пределами познания. Реальность ощущений — реальность феноменальной сферы. Ощущения для Файхингера — неоформленная масса, материя опыта, что, не говоря о Канте, признается и Ланге, и Виндельбандом, и Риккертом. Из всех неокантианцев один лишь Коген отрицал реальность за ощущениями, лишь его школа отвергала дуализм формы и материи опыта¹¹, но это специфика его школы, а не неокантианства в целом. Лишь у Когена мышление создает и форму, и материю опыта, а не познание, как у Канта и большинства неокантианцев.

Ощущения не дают никакой определенности по Файхингеру. Мышление само строит из этого материала свой предмет с помощью понятий, которые он называет фикциями. Опыт — это единство фиктивных форм мышления, которое можно связать с объективной реальностью лишь практически. Для познания эта реальность, т. е. мир вещей в себе, не существует, она важна для человека, как обладающего другими интересами и способностями. Понятия субъекта и вещи в себе, которые Файхингер называет «пограничными понятиями», необходимы для построения опыта и фиктивны, как и все понятия вообще¹². Согласно критицизму, писал Файхингер в 1876 г., за мир явлений ничего не остается для познания, с другой стороны, мир явлений не есть единственно существующее¹³. Это ясная формулировка специфики неокантианской позиции. Файхингер думал, что позитивизм обосновывается только на базе кантовской философии, интерпретируемой вышеизложенным образом. Свой фикционализм он называет идеалистическим, или критическим, пози-

тивизмом, и это ничуть не мешает его неокантианству. Файхингер, указывая на мыслителей, имевших влияние на формирование его философии, называет Фихте, Гегеля, Дж. Ст. Милля, Лааса, но подчеркивает, что наибольшее влияние на него имел Кант, Шопенгауэр и Ланге. Следует отметить и то, что Файхингер вслед за Ланге придавал большое значение признанию вещи в себе Канта. В своем основном произведении «Философия как если бы» Файхингер отмечал, что вещь в себе он понимает так же, как марбуржцы, Виндельбанд и Риккерт¹⁴.

Для правильного понимания теоретических причин краха неокантианства и возникновения «новой онтологии» и «новой метафизики» необходимо различие между двумя вариантами отрицания вещи в себе Канта: фихтеанско-гегелевским и неокантианским. Когда вещь в себе как онтологическая реальность отрицается, теория познания сама становится онтологией, как это случилось в логике Гегеля. Неокантианцы отрицали не онтологическую реальность вещи в себе, а значение этой реальности для познания. Они старались создать предмет познания без участия вещи в себе. То, что Кант подразумевал под вещью в себе, у неокантианцев разделилось на две части. Они отрицали то, что существующая за пределами феноменов вещь в себе имеет какое-либо значение в теории познания. Она лишь несуществующая, хотя и значимая цель познания. Но существование реального мира вне феноменов они не отрицали. Этим отличалась «Логика» Когена от «Логики» Гегеля, понятие бытия Когена от того же понятия в философиях Фихте и Гегеля, на что указывал сам Коген в работе «Логика чистого познания»¹⁵ в 1914 г. и позже в исследовании «Теория опыта Канта»¹⁶. Без этого различения останется непонятной позиция молодого поколения неокантианцев, восставших против ограничения философии теорией познания. Они называли это самообманом. «Без онтологии невозможно теоретическое мышление»¹⁷, — писал бывший ученик Когена и Э. Гартмана Н. Гартман. Он понимал, что хотя Коген ратовал за идентичность бытия и мышления, но эта «идентичность» создает заколдованный круг чистой логики, а та сфера, которую Аристотель или Гегель считали сферой бытия, осталась вне этой идентичности.

С двадцатых годов XX в. неокантианства как отдельного направления буржуазной философии не существует (хотя Риккерт умер в 1936 г.). Поворотным пунктом считается 1924 г., год 70-летия Наторпа. В юбилейном сборнике ученики посвящали свои исследования Наторпу уже как представители нового направления, которое, несмотря на многообразие оттенков, можно назвать «новой метафизикой». Н. Гартман, Г. Хаймзет, Г. Хайнеман, Г. Книттермайер были учениками П. Наторпа и Г. Когена. Риккерт был учителем Ласка, он же был первым учителем М. Хайдеггера.

Представители «новой метафизики» и «новой онтологии», несмотря на степень зависимости от Канта, не могут считаться ни кантианцами, ни неокантианцами, поскольку они допускают, говоря словами Н. Гартмана, «минимум метафизики» и вместе с тем признают иррациональное в каждом предмете, чем и отрицается принцип: «предмет познания создается в познании».

«Новая онтология», «новая метафизика» и родственные им новые течения не только не освободили буржуазную философию от противоречий, но углубили и умножили их. Возросшая роль иррационального (Ласк, Н. Гартман, Хайдеггер и др.) обесценивает научное познание и исключает возможность обоснования активности человека.

¹ Windelband W. Präludien. Tübingen, 1907, S. VI.

² Proceedings of the Ottawa Congress on Kant. Ottawa, 1976, p. 41.

³ Bochensky I. M. Contemporary European Philosophy. Berlin, 1957, p. 93.

⁴ Funke G. Die Wendung zur Metaphysik im Neukantianismus des 20 Jahrhunderts. Ottawa, 1976, S. 37—38.

⁵ Becher E. Deutsche Philosophen. München—Leipzig, 1929, S. 192.

⁶ Oesterreich K. Deutsche Philosophie in 11 hälfte des 19 Jahrhunderts. Tübingen, 1910, S. 10.

⁷ Riehl A. Der Philosophische Kritizismus. Bd. II, Leipzig, 1925, S. 307.

⁸ Ibid., Bd. III, Leipzig, 1926, S. 166.

⁹ Bochensky I. M. Contemporary European Philosophy, p. 93.

¹⁰ Störig H. I. Kleine Weltgeschichte der Philosophie. Kohlhammer, 1970, S. 385.

¹¹ Natorp P. Kant und die Marburger Schule. Berlin, 1912, S. 18.

¹² Vaihinger H. Die Philosophie des Als Ob. Leipzig, 1920, S. 85.

¹³ Vaihinger H. Hartmann, Düring und Lange. Iselrohn, 1876, S. 70.

¹⁴ Vaihinger H. Die Philosophie des Als Ob. Leipzig, S. 723.

¹⁵ Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1914, S. 361.

¹⁶ Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung. Berlin, 1918, S. 792.

¹⁷ Festschrift für P. Natorps 70 Geburtstag. Berlin und Leipzig, 1924, S. 135—136.